

© 2010 г.

М.Е. СОРОКА (Канада)

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ ГРАФ А.К. БЕНКЕНДОРФ (1903–1916 годы)

Граф Александр Константинович Бенкендорф (1849–1916) был послом России в Великобритании от начала XX в. почти до падения Российской империи. Этот период изобилует международными кризисами, но он также стал единственным после наполеоновских войн длительным периодом дружественных отношений между Россией и Англией. Между Россией и Англией существовало много неразрешенных противоречий, и роль дипломатов в сглаживании их была велика. Казалось бы, дипломат, чья миссия была столь успешной, должен заинтересовать историков, но Бенкендорфа забыли. Этому может быть несколько объяснений: во-первых, он не дожил до конца войны и не успел написать мемуаров. Во-вторых, исторический канон гласит, что в России послы являлись лишь послушными исполнителями воли министров и монархов, и тем, кто принял это на веру, Бенкендорф был неинтересен. К тому же его многословные и скучные донесения написаны по-французски, ужасным почерком и вызывают уныние своим видом.

Быть может, дело и в том, что его донесения не дают верного представления о том, что он делал в Лондоне с января 1903 по декабрь 1916 г. Для этого нужно обратиться к его частной переписке, включая письма к жене¹. И когда сведения и мысли, сообщенные им в доверительных письмах, впервые сопоставляются с редкими упоминаниями Бенкендорфа в переписке его коллег и современников, то возникает неожиданная картина. Его история – пример того, как дипломатический представитель одной державы становится орудием другой. И когда это выясняется, то начинаешь понимать, отчего люди, которых Бенкендорф считал близкими сотрудниками, единомышленниками и друзьями, избегают упоминать его в своих мемуарах. И с русской, и с английской стороны молчание объясняется правилом “о мертвых – либо хорошо, либо ничего”. В самом деле, назвать его талантливым профессионалом ни у кого не хватало совести. Писать, что он был пешкой, что Антанта использовала его в своих целях, было бы неблагодарностью со стороны английских (и французских) коллег, для которых он столько сделал. Да и не принято хвалиться победами, одержанными над союзниками. Для русских коллег Бенкендорфа, писавших мемуары в эмиграции, было неприемлемо выносить сор из избы, и только бывший чиновник МИД барон М. Таубе привел в своей книге неслетное мнение о Бенкендорфе, бытовавшее в министерстве до 1914 г. Но поскольку Таубе критиковал всю довоенную внешнюю политику царизма, то его книгу тут же заклеили как прогерманскую в целом и с чистой совестью отказались принимать его мнения в частности.

Сорока Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, Канада.

¹ Обширный личный архив графа Бенкендорфа в Бахметьевском архиве (БА) Колумбийского университета вводится в научный оборот докторской диссертацией автора этой статьи. Он содержит конфиденциальные письма В.Н. Ламздорфа, А.П. Извольского, А.А. Нератова и А.И. Нелидова, а также письма к графу от его подчиненных, иностранных коллег и письма-доклады его жены.

Александр Константинович Бенкендорф, внучатый племянник николаевского шефа жандармов и героя войны 1812 г. А.Х. Бенкендорфа, был человек большой культуры и образованности, исключительной порядочности и благородства. Он был патриотом России. А.П. Извольский, взвешивая шансы А.К. Бенкендорфа стать министром иностранных дел, в 1906 г. отметил как слабость, что воспитание, внешность и образ мыслей графа полностью нерусские². Но Извольский имел в виду не его патриотизм, а систему этических ценностей и мировоззрение. Насколько они русские или нерусские, читатель должен судить сам, тем более что Извольский, проведший большую часть жизни за границей, не был непогрешимым судьей в этом вопросе. Граф Бенкендорф не терпел пессимизма, нытья и пассивного отношения к жизни. В молодости он написал жене: “Что до политики, то ты права: мы позорно мало знаем о Берлине... Легко говорить, что все наши беды проистекают от чьего-то предательства, а они обязаны своими успехами нашей помощи. Но мы забываем... что они не переставали трудиться серьезно и вдумчиво, а мы только и совершали ошибки”³.

Из этих слов можно, конечно, заключить, что он “преклонялся перед Западом”, а можно и подумать, что ему досадно было, что вместо добросовестной работы над ошибками в России предпочитают винить в своих неудачах вражеские происки. Близкий друг семьи Бенкендорфов считал главной чертой посла его способность загораться идеями, а также стремление преодолеть трудности, которые другим казались непреодолимыми. Тот же мемуарист упоминает его “врожденную порядочность, отвращение ко всякой пошлости, низости или хамству”⁴. Когда в России студенческие беспорядки были жестоко подавлены правительством, Бенкендорф сказал, что быть в России университетам или не быть – это решать правительству, но раз уж оно решило, что университеты нужны, так нельзя обращаться со студентами, как с дикими зверями⁵. Во время мировой войны он устоял перед волной шовинизма и мстительности, защищая жертв антинемецкой истерии в Англии. Он отзывался на просьбы о помощи с обеих воюющих сторон даже после того, как его сын, русский офицер, погиб на фронте. Для него было немыслимо игнорировать чужое горе, какую бы боль он сам ни испытывал. Служить России было для него делом чести, а не выгоды: “Быть на государственной службе значит служить государству, а не пользоваться услугами государства”, – резко ответил он жене, когда речь зашла о том, чтобы выгодно пристроить их сына⁶.

После смерти графа бывший его подчиненный написал вдове: “Вы не представляете, какое значение имели для меня годы, проведенные на службе... если из меня что-нибудь вышло или выйдет, то в значительной степени я обязан этим годам, и в частности вашему мужу”⁷. Любая дипломатическая служба Европы могла бы гордиться таким представителем. Но прекрасные личные качества, которых у него было немало, не могли возместить профессиональных недостатков, которые проявились, когда воля императора (и удачный маневр иностранной дипломатии) вознесла его на один из важнейших дипломатических постов в Европе.

Сын российского военного дипломата и немецкой католической принцессы, Бенкендорф провел детство и юность в Германии и Франции, где и получил домашнее образование. Он вернулся в Россию юношей, когда пришло время поступать на службу. Карьеру Бенкендорфа в царствование Александра II и Александра III нельзя назвать

² А.П. Извольский. Дневник 1906 года, 02(15).03.1906. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 26об.

³ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф, 31.12.[без года]. – Там же, ф.1126, оп. 1, д. 154, л. 29–31об.

⁴ Baring M. The Puppet Show of Memory. London, 1987, p. 213–214.

⁵ Jusserand J.J. What Me Befell. The Reminiscences of Jean J. Jusserand. Freeport (N.Y.), [s.a.], 201–203.

⁶ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф, 03(15).01.1910. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 153, л. 10–15об.

⁷ Д.И. Абрикосов – С.П. Бенкендорф, 10.01.1917. – БА, Фонд Бенкендорфа, часть 2 (далее – ФБ2), ящик 12.

головокружительной: несколько лет на младших постах в Италии, потом 10 лет в МИД и столько же в Вене, где он, наконец, стал советником посольства. Но в 1897 г. он был назначен посланником в Данию. Назначения в ее родную Данию при Николае II стали прерогативой вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, а жизнерадостный и добросердечный Бенкендорф был ее любимцем еще со времен их молодости⁸.

В Копенгагене Мария Феодоровна тепло рекомендовала Бенкендорфа своей сестре Александре и зятю принцу Уэльскому, будущему королю Англии Эдуарду VII, которые регулярно навещали Данию. Граф произвел на них прекрасное впечатление своим сочувствием Британии, которое англичане особенно ценили во время англо-бурской войны⁹. Форин оффис тоже получал положительные отзывы о Бенкендорфе, который подружился со всеми членами британской миссии¹⁰.

Первый биограф французского министра иностранных дел Т. Делькассе приписывает ему мысль о том, чтобы устроить Бенкендорфу назначение в Англию¹¹. Чем же Бенкендорф мог привлечь Делькассе? В 1902 г. Франция приступила к стратегическому плану с целью обеспечить безопасность страны, окружив ее цепочкой оборонительных международных соглашений. Один из авторов этой стратегии, П. Камбон, с 1901 г. был послом в Лондоне и усиленно подготавливал почву для англо-французского сближения¹². Единомышленник и бывший подчиненный П. Камбона Ж. Жюссеран знал А.К. Бенкендорфа по Копенгагену и описывал русского посланника и его жену как очень либеральных и на редкость откровенных критиков российского правительства¹³. Граф, например, жаловался Жюссерану, что Николай II это флюгер, он сначала следует совету, с которым не согласен, а потом поворачивается на 180° и поступает наоборот. Он также прозорливо сравнивал отношение русского народа к Романовым с отношением французов к Людовику XVI и Марии Антуанетте до революции: наружно все трогательно и умильно, а внутри – полное равнодушие¹⁴.

Граф, видимо, соглашался со своей женой, которая считала, что он представляет не императора Николая II или правительство, а напрямую – Россию¹⁵. Эта красивая идея создала у него представление о самом себе как о независимой политической инстанции, третейском судье между Антантой и российским МИД. И если балтийских баронов принято было ругать за то, что их не волновала судьба России, они лишь исполняли приказы начальства¹⁶, то Бенкендорф как раз из-за русского патриотизма считал себя вправе действовать вопреки министерской политике, когда считал ее неверной. Министр иностранных дел Великобритании сэр Э. Грей поддерживал склонность Бенкендорфа быть в оппозиции к собственному правительству, расхваливая его за поведение, которого не потерпел бы в британском дипломате. Бенкендорф писал жене: Грей «сказал, что, какова бы ни была позиция русского или британского правительства, у меня всегда есть своя собственная: *«Он стоит на своем и обычно выходит победителем. Это действительно независимый посол»*»¹⁷.

⁸ *Prince Bülow von. Memoirs. 1903–1909. London, 1931–1932, p. 38.*

⁹ А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне, 06(19).10.1901. – ГАРФ, ф. 642, оп. 1, д. 916, л. 20–21об.

¹⁰ *Goschen E. The Diary of Edward Goschen 1900–1914. London, 1980, p. 72.*

¹¹ *Neton A. Delcassé (1852–1923). Paris, 1952, p. 324.*

¹² Французские публикации, приуроченные к 150-летию рождения Делькассе, естественно, подчеркивают его роль в повороте французской внешней политики в сторону создания анти-германского блока, см., например: *Zorgbibe Ch. Theophile Delcassé. Но современники считали инициаторами этой стратегии трех послов, Поля и Жюля Камбонов и Камилла Баррера: Chambrun Ch. de. L'esprit de la diplomatie. Paris, 1944, p. 43.*

¹³ *Jusserand J.J. Op. cit., p. 201–203.*

¹⁴ *Ibidem.*

¹⁵ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу, 21.12.1906(03.01.1907). – БА, ФБ2, ящик 21.

¹⁶ *Abrikosov D.I. Revelations of a Russian Diplomat. Seattle, 1964, p. 213.*

¹⁷ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф, 05(18).07.1912. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 153, л. 70–71об.

Итак, политические взгляды Бенкендорфа сближали его с европейскими коллегами. Они также не могли не заметить, что он наивен, тщеславен, несдержан на язык и, значит, поддается внушению. Его связи при российском дворе могли быть полезны как для влияния на императора, так и для получения сведений. Камбон мог рассчитывать, что сможет влиять на Бенкендорфа в интересах Франции. Форин оффис в то время не видел возможности англо-русского сближения, но такой посол, как Бенкендорф, всегда мог пригодиться.

Поэтому в 1902 г., когда престарелый российский посол барон Е.Е. Стааль собрался на покой, король Эдуард VII попросил Николая II в знак дружбы назначить в Лондон графа Бенкендорфа. Министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф не возражал – возможно потому, что он смирился с обычаем российских самодержцев назначать на главные дипломатические посты царедворцев и не возлагал на них особых надежд.

В дневнике Ламздорфа несколько раз упоминаются довольно пренебрежительно те немногие критерии, которым должен был удовлетворять российский посол: определенный служебный ранг, титул, состояние и приличная жена. Самой важной характеристикой посла Ламздорф считал дисциплинированность¹⁸. Министр не подозревал, насколько Бенкендорф поддается влияниям. Одним из примеров было германофобство российского дипломата, которое за год пребывания в Лондоне расцвело пышным цветом под влиянием короля Эдуарда VII и его близких приятелей, в том числе нескольких влиятельных военных и чинов Форин оффис: те не любили и боялись кайзеровскую Германию¹⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что люди, которых Бенкендорф постоянно видел и о которых отзывался в письмах в Петербург как о друзьях России – С. Спринг-Райс, А. Николсон, Ч. Гардинг, адмирал Дж. Фишер – известны в английской истории отнюдь не симпатией к России, а боязнью германской гегемонии. Именно это побуждало их поддерживать идею сближения с Россией как меньшего из двух зол.

Переживая у этих англичан их отношение к Германии, Бенкендорф стал смотреть их глазами и на способы сохранить европейский мир: раз Германия угрожала европейской безопасности, то англо-русское соглашение было реальным способом противостоять угрозе. Этот путь был тем более разумным в глазах Бенкендорфа, что взгляд его был прикован исключительно к западноевропейским великим державам и никакие страны южнее и восточнее Российской империи для него не представляли интереса, а именно там и сталкивались российские и британские интересы. Ради сближения с сильной и процветающей Англией, которое он считал одним из “высших интересов” и “приоритетом” России²⁰, ему было ничего не жаль. Приоритетом он считал, особенно после революции 1905–1907 гг., уклонение от военных конфликтов. Он писал Извольскому во время англо-русских переговоров: “Что было бы с нами сейчас, если бы переговоры не начались, и что произойдет, если, не дай Бог, они оборвутся? Нам обеспечены бесчисленные проблемы на следующие четверть века... Все это кончится войной, за которую мы так или иначе поплатимся, а война значит революция”²¹.

Предотвратить революцию, как он считал, могли только реформы и превращение России в правовую конституционную монархию, прочно связанную с подобными же европейскими государствами.

Если в молодости он готов был бороться за самодержавие, которое признавал единственным законным источником реформ²², то в 1909 г. он назвал вечной бедой России отвратительные правительства: “И за это Россия, как и другие отвратительно

¹⁸ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991, с. 141.

¹⁹ Lee S. King Edward VII. A Biography, v. 1–2. London, 1925, v. 1, p. 729; *Prince Bülow von. Op. cit.*, p. 34–35.

²⁰ А.К. Бенкендорф – А.П. Извольскому, 27.05(09.06).1909. – *Au service de la Russie. Alexandre Iswolsky, correspondance diplomatique 1906–1911*, t. 1–2. Paris, 1937, t. 2, p. 232–234.

²¹ А.К. Бенкендорф – А.П. Извольскому, 27.06(10.07).1907. – *Ibid.*, p. 60–63.

²² А.К. Бенкендорф “Происхождение С[вященной] Д[ружины]”. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 10, л. 23–26.

управляемые страны, вынуждена расплавиться”. Впрочем, он тут же утешил себя: “Но мне кажется, что если бы нигде не было дурных правительств, то не было бы и конституций”²³.

Соглашаясь с английским мнением о причинах незавидного положения России (политическая и социальная отсталость, крайняя бедность населения и великодержавные амбиции), Бенкендорф естественно видел глазами английских политиков и политических комментаторов и возможные средства их преодоления: отказ от наступательной внешней политики и проведение политических и социальных реформ с использованием внутренних ресурсов для стабилизации общества. Все это, по его мнению, могла обеспечить близость к Англии. Как и англичане, которые называли “реакционерами” всех русских политиков, враждебных Англии, Бенкендорф и его друг Извольский отзывались обо всех критиках и противниках англо-русского сближения как о врагах мира, прогресса и гласности в России²⁴. Они считали англо-русское сближение залогом обновления России и ее будущего присоединения к передовым государствам. Поэтому Бенкендорф возмущался противниками Извольского, не понимавших всего значения новой внешнеполитической ориентации России: “Ну разве может кто-то серьезно думать о том, чтобы вернуться назад во мрак?”²⁵.

Он служил правительству, которое презирал и которое привело его, как и многих других русских, к полному отчаянию под конец жизни²⁶. Разочарование в российской монархии росло с его уважением к британской, в которой он прожил почти 15 лет. Оба эти чувства вызывали в нем желание опереться на дружбу и понимание британского политического аппарата. И когда у Бенкендорфа иссякла вера в устаревшее, узколобое и бессильное самодержавие, он стал верить в современную, рациональную парламентскую монархию и, незаметно для себя, перенес свою преданность с России на Британию. Его долг был представлять российского императора, но он считал, что делает нечто лучшее: он служит России будущего, забывая, что той светлой конституционной парламентской и просвещенной России еще нет.

По сравнению с английскими министрами вроде Грея и Лэнсдауна, которые прошли суровую школу внутри- и межпартийной борьбы, и даже по сравнению с дипломатами вроде Гардинга, обязанного своей карьерой только собственной напористости, трудолюбию и хитрости, Бенкендорф попал на столь высокий пост безо всяких усилий и сохранил много романтических иллюзий, присущих дипломатам-любителям XVIII в.

Он считал заблуждением распространенное среди русских дипломатов мнение, что все дипломаты лгут, и сожалел, что “самые честные люди в России считают, что в политике вести себя нечестно вполне допустимо”, тем более что всякий раз, как российская дипломатия пыталась схитрить, результаты, с его точки зрения, были самые жалкие²⁷. Граф настаивал, что “первейшая основа нашего престижа это императорское слово, а наша мощь – только вторая”, и огорчался, если не видел “гармонии, пусть и не идеальной”, между российскими декларациями и действиями²⁸. Он гордился тем, что ведет себя как порядочный дворянин, когда ему приходилось иметь дело с профессиональными политиками, которые руководствовались профессиональными интересами.

По той же причине граф очень полагался на свои джентльменские договоренности с английскими министрами иностранных дел, достигнутые за спиной у российского МИД, нередко выбалтывал секреты и конфиденциальные сведения иностранным кол-

²³ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф, 30.12.1909. – Там же, д. 152, л. 121–124об.

²⁴ А.К. Бенкендорф – А.П. Извольскому, 05(18).09.1906. – *Au service...*, t. 1, p. 374–376.

²⁵ А.П. Бенкендорф – А.П. Извольскому, 05(18).03.1908. – *Ibid.*, t. 2, p. 144–145.

²⁶ А.П. Извольский – А.К. Бенкендорфу, 21.08.1916. – БА, ФБЗ, ящик 13.

²⁷ А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне, 05.10.1906. – ГАРФ, ф. 642, оп. 1, д. 917, л. 72–77об.

²⁸ А.К. Бенкендорф – В.Н. Ламздорфу 27.03(09.04).1901. – Там же, ф. 568, оп. 1, д. 326, л. 25–26об.

легам и наивно просил их никому не передавать его сообщения или не говорить, что сведения исходят от него, а его собеседники тут же докладывали о них начальству²⁹.

Он слабо разбирался в движущих силах международной политики, полагаясь, в основном, на личные дружеские связи с теми государственными деятелями, которых эти силы вынесли на поверхность политической жизни. В его глазах король Эдуард VII направлял английскую дипломатию, хотя на самом деле это Форин оффис давал королю инструкции³⁰. Поэтому Бенкендорф считал – и многие в России ему верили, – что он сделал все для России, став любимым карточным партнером короля. Как он, так и многие в России, сильно заблуждались, думая что личные симпатии английских политических деятелей влияют на их политические пристрастия. Дружба дружбой, а служба службой. Грей объяснил это расстроенному кузену Бенкендорфа, германскому послу в Лондоне, когда Англия объявила Германии войну.

В 1903–1904 гг. под нажимом французской дипломатии, которая хотела предотвратить опасный для Франции русско-японский конфликт, Бенкендорф несколько раз безуспешно пытался вызвать Лэнсдауна на разговор о соглашении, но тот отказывался разговаривать, пока не увидит предложений России. Ламздорф никаких инструкций послу не дал, но, обеспокоенный военными приготовлениями английской союзницы Японии, разрешил послу в ноябре 1903 г. прозондировать взгляды Лэнсдауна. Ажиотаж, созданный Бенкендорфом вокруг возможности соглашения с Англией сейчас или никогда, не убедил министра. Интерес к переговорам с Россией исходил из курительной комнаты короля Эдуарда VII, а не из Форин оффиса, и следовательно, Россию ждала роль искательницы, готовой на уступки, а Ламздорф считал, что никакими уступками Россия не добьется дружбы Англии, потому что их интересы несовместимы.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. действия Бенкендорфа, пожалуй, больше всего совпадали с указаниями Петербурга. Ламздорф опасался, что враждебность русского общества и семейства Романовых, считавшего Англию подстрекательницей Японии, может спровоцировать вступление Англии в войну. Он постоянно давал императору письма Бенкендорфа, которые защищали поведение английских властей, газет и деловых кругов. По инструкции Ламздорфа посол сделал все возможное, чтобы предотвратить англо-русский конфликт, пусть даже и продемонстрировав при этом, как легко теряет голову в критических ситуациях. Во время Гульевского инцидента, когда российский флот, следовавший на Дальний Восток, потопил английское рыболовное судно, английское общественное мнение требовало от своего правительства жестких мер по отношению к России. Ламздорф и Лэнсдаун при участии Франции делали все, чтобы избежать вступления Англии в войну. Для английского кабинета главным было успокоить свое общественное мнение, которое настаивало на наказании виновных. Во время ежедневных консультаций Бенкендорф пообещал британскому премьеру А. Бэлфуру, что виновных российских офицеров снимут с судов и пришлют в Англию для расследования. Бэлфур сказал об этом в речи перед избирателями как об обещании русского правительства. Когда же Ламздорф официально заявил, что никого с судов снимать не будут до того, как третейский суд вынесет решение, британский МИД с этим согласился, но в английской прессе разразилась буря негодования. Гардинг объяснил Ламздорфу, что “Бенкендорф в состоянии возбуждения пообещал больше, чем ему разрешили”. Терпеливый Ламздорф решил не дезавуировать своего посла и в глазах Англии российское правительство осталось виновато в нарушении слова³¹.

С ведома Ламздорфа посол пытался обуздать гнев Романовых, вызванный личными нападениями английских газет на императора и его мать. Граф писал Марии Феодоровне о христианском долге прощать врагам и об искреннем желании Британии сблизиться с

²⁹ Sir Charles Scott to Lansdowne, 25.12.1902. – Foreign Office, Private Collections, Various Ministers and Officials, 1824–1949 (далее – FO), 800/140, p. 123–141.

³⁰ Sir Francis Bertie to Arthur Ponsonby, 27.11.1912. – FO, 800/174, p. 148.

³¹ Sir Charles Hardinge to Lansdowne, 02.11.1904. – FO, 800/141, p. 57–60.

Россией. Явно повторяя то, что он слышал в Виндзорском замке, он упрекал Россию за неотзывчивость к мирным предложениям Англии, еще раз показывая, как он заблуждается, считая британского короля вдохновителем внешней политики: “Король Эдуард вззошел на трон с ясной и четкой программой: прийти к соглашению с Россией, а потом и с Францией в интересах мира во всем мире, который нужен Англии. Если он начал с Франции, то потому что с Россией у него ничего не вышло”³².

По мере того, как Россия терпела одно поражение за другим на Дальнем Востоке, революционное брожение в империи усиливалось, и российское министерство иностранных дел исподволь начало искать пути к миру, но в то время, как Ламздорф пытался выяснить вероятность переговоров через третьих лиц, Бенкендорф, как обычно, решил, что лучше всего действовать прямо: раз Россия хочет мира, то инициатива должна исходить от нее. В декабре 1904 г., отправляясь в очередной отпуск в Россию, он сказал Лэнсдауну, что постарается прекратить войну.

Пренебрегая возражениями Ламздорфа, Бенкендорф безуспешно попытался организовать в российской прессе кампанию за мир с Японией. Он провел много времени в английском посольстве, жалуюсь Гардингу на шаткость внутреннего положения России, некомпетентность российских военных и слабость министров, включая и его собственного шефа. Гардинг написал своему министру: “Вам будет очень интересно послушать мнение Бенкендорфа о внутреннем положении России, если он будет хоть наполовину так же откровенен с вами, как со мной. Не верилось, что он русский”³³. Следует пояснить, что для англичанина быть “очень русским” (или “очень французом”) подразумевает, что собеседник встает на дыбы при малейшем критическом замечании в адрес своей страны и с ним невозможно вести откровенный обмен мнениями. Разговор Бенкендорфа с Гардингом был не предательством, а откровенностью еще одного русского либерала, который жаловался понимающему цивилизованному собеседнику. А вот что Бенкендорф не в первый и не в последний раз искал понимание и сочувствие российским бедам в посольстве державы – соперницы России и вел себя не как подобало представителю императора России – это факт.

К лету 1905 г. стратегические и дипломатические инициативы Англии привели к тому, что она обставила Россию на всех направлениях: “сердечное согласие” с Францией, возобновленный союз с Японией, направленный против России, конвенция с Тибетом и наступательная политика в Персии (Сейстан). В соединении с надвигающимся поражением России в войне с Японией, банкротством и революционными беспорядками это должно было убедить российское правительство, что противостояние Англии в одиночку более невозможно. В июле 1905 г., объясняя графу невозможность для России продолжать войну с Японией, Ламздорф громоздил одну метафору на другую: “Мы сидим на вулкане, и революционный вихрь с головокружительной быстротой тащит нас к бездне”³⁴. Именно тогда Бенкендорф и большинство его коллег навсегда запомнили, что России нельзя участвовать в войнах, потому что война неизбежно кончится революцией. Об этом часто напоминали друг другу многие российские дипломаты в 1906–1914 гг.

Николай II, тоже осознавая опасность, в июле 1905 г. во время свидания с Вильгельмом II в Бьорке принял предложение кайзера подписать секретный протокол о союзе. Именно этот шаг Антанта хотела предотвратить. Немедленно после встречи в Бьорке король Эдуард VII вызвал Бенкендорфа в надежде узнать от него, что произошло между кайзером и царем, но тот гостил у Лэнсдауна в Ирландии, а потом оказалось, что он ничего не знал – Вильгельм II предупредил Николая II, что Мария Феодоровна, Ламздорф и Бенкендорф не сумеют сохранить секрет от Англии³⁵.

³² А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне (черновик), 06(19).04.1905. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 4, л. 9–12.

³³ Hardinge to Lansdowne, 08.02.1905. – FO 800/141, p. 123–125.

³⁴ В.Н. Ламздорф – А.К. Бенкендорфу, 07(20).07.1905. – БА, ФБ2, ящик 13.

³⁵ Вильгельм II – Николаю II, 22.08.1905. – Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 2007, с. 388.

После разговора с королем граф, видимо, решил, что пора действовать ради России и без оглядки на своего министра. Он написал длинное и очень эмоциональное письмо императрице Марии Феодоровне против русско-германского сближения. Начал черновое письмо дословно повторяло и жалобу Гардинга на секретность встречи двух императоров³⁶, и слова короля Эдуарда VII, процитированные и Вильгельмом II: “Никто не знает, что произошло – вот в чем опасность”. Но и в окончательном варианте Бенкендорф настаивал на одном: сближение с Германией – ловушка для России³⁷. Бенкендорф предсказывал, что секреты от Франции во время франко-германского кризиса приведут к тому, что Франция перестанет доверять союзнице и согласится на англо-франко-японский союз, который поддержат США. “Они будут повелевать всем миром! Вот к чему ведет нас Германия”. Англо-русский конфликт позволит Германии занять господствующее положение в Азии или проложит дорогу к англо-германскому сближению, и тогда России конец. Но Британия все еще желает сближения с Россией. Прежняя наступательная политика России в Азии уже невозможна, а значит, нет более самой главной причины англо-русской вражды. Россия должна ухватиться за случай заключить мир с Японией и достичь соглашения с Англией. Но только, повторил он, если еще не поздно, потому что никто не знает, что случилось в Бьорке³⁸.

Мария Феодоровна вероятно узнала о сути Бьоркского протокола тогда же, когда Ламздорф и Витте – после заключения мира с Японией, – и телеграммой пригласила Бенкендорфа в Копенгаген. Бенкендорф уверенно сказал Лэнсдауну, что после поездки в Копенгаген и Петербург он будет готов обсуждать соглашения³⁹. В Копенгагене Бенкендорф имел возможность привлечь на свою сторону и посланника, Извольского, который скоро должен был занять место Ламздорфа. Извольский, по его собственному признанию, ничего не знал об англо-русских трениях в Средней Азии, и осведомленность и апломб опытного старшего коллеги произвели на него сильное впечатление⁴⁰. Разговоры в Копенгагене дали Бенкендорфу смелость посылать императрице в октябре 1905 г. пространные телеграммы с советами спасти монархию дарованием широкой конституции и в поддержку Витте⁴¹.

Ламздорф ознакомился почти одновременно с текстом русско-германского и англо-японского договоров, в сентябре 1905 г. Бьоркский договор, нарушая его политику равноудаленности от Германии и Англии, не решал вопроса о том, как защищать внеевропейские интересы России. Более того, текст нуждался в изменениях, а иначе он противоречил союзным обязательствам России перед Францией. Условия англо-японского договора лишали Россию всякой надежды на реванш на Дальнем Востоке.

Пока Ламздорф ломал голову, как восстановить равновесие российского политического курса, не создавая новых врагов, Бенкендорф попытался уговорить Витте приехать в Англию по дороге из США для встречи с королем Эдуардом VII, чтобы обеспечить его поддержку сближению с Англией, но Витте отказался.

В 1905 г. Ламздорф неоднократно предупреждал посла, что Николай II настроен против Англии. После Бьорке он опять посоветовал Бенкендорфу обождать, пока император поймет, что он попал в западню, и “тогда мы сможем вернуться к самой важной задаче, восстановить равновесие просто-напросто в интересах России, отбросив ложную сентиментальность и личные симпатии и антипатии, которые так ужасно

³⁶ Hardinge to Lansdowne, 01.08.1905. – British Documents on the Origins of the War. 1898–1914, v. 4. London, 1927, p. 95.

³⁷ А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне 16(29).08.1905. – ГАРФ, ф. 642, оп. 1, д. 919, л. 68–73.

³⁸ А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне, 15(28).08.1905 (черновик). – Там же, ф. 1126, оп. 1, д. 4, л. 1–4.

³⁹ Lansdowne to Hardinge, 03.10.1905. – British Documents..., v. 4, p. 204–205.

⁴⁰ Дневник А.П. Извольского, 02(15).03.1906. – ГАРФ, ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 26об.

⁴¹ А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне, 15(28).10.1905. – Там же, ф. 642, оп. 1, д. 918, л. 77.

осложняют дела и не ведут ни к чему хорошему”. Он повторил: “Когда англичане представляют приемлемые условия по вопросам, имеющим взаимный интерес, тогда мы согласимся на обсуждение. Но мы не можем и не должны провоцировать их, особенно в нынешней обстановке”⁴². Но Бенкендорфа было не остановить. Он консультировался с послом в Париже А.И. Нелидовым и П. Камбоном, которые советовали ему не слушать Ламздорфа и предлагали не слишком хитрые способы выудить у Лэнсдауна нечто, что можно было бы предъявить в Петербург как английскую инициативу. Несмотря на предупреждения Ламздорфа, граф продолжал осаждать Лэнсдауна, что дало повод последнему 8 октября 1905 г. написать британскому послу во Франции, сэру Ф. Берти, что Бенкендорф считает, что англо-русское соглашение вполне возможно, хотя “он объяснил мне, что имеет в виду относительно скромную договоренность и что он не ожидает от нас, что мы предложим им Константинополь”⁴³. Все это происходило в то время, когда Ламздорф предупреждал своих подчиненных, чтобы они не делали авансов англичанам и особенно не заговаривали о Проливах.

Ламздорф регулярно выбирал для литографирования и рассылал заграничным миссиям полученные им письма, в которых обсуждались важные общеполитические темы. Так одно из октябрьских писем Бенкендорфа, с критикой русско-германского сближения, стало предметом обсуждения российской дипломатической службы. Граф резюмировал доводы, уже приведенные им в письме к Марии Феодоровне, и добавлял, что в случае сближения с Германией самые богатые финансовые рынки Европы, английский и французский, закроются для России. В то же время, если Россия не пойдет навстречу Англии, той не останется ничего иного, как проводить в Азии агрессивную политику Керзона⁴⁴.

Отклики есть в ответном письме советника константинопольского посольства А.Н. Свечина директору канцелярии министра А.А. Савинскому. Тот написал о “диаметрально противоположных политических гипотезах” посла в Константинополе И.А. Зиновьева и графа А.К. Бенкендорфа. Свечин возразил, что гипотезы не так уж несхожи, потому что Зиновьев считает, что если не будет заключено соглашение с Англией, та будет продолжать искать все возможные гарантии против России, а так как у Англии политика последовательная и с дальним прицелом, то это увеличивает ценность соглашения с ней. Как и Бенкендорф, Зиновьев считал, что сближение с Англией поможет России избежать порабощения Германией⁴⁵. Н. Гартвиг, директор Первого департамента и правая рука Ламздорфа, тоже стоял за сближение с Англией⁴⁶. Даже Р. Розен, посол в США, которого по его послевоенным воспоминаниям считают придерживающимся прогерманских взглядов, написал Бенкендорфу в декабре 1905 г., что по его мнению соглашение с Англией уже давно необходимо как гарантия против англо-германского сближения. Он писал, что упущенная возможность подобного соглашения в 1898 г. привела к русско-японской войне и что второй раз эту возможность упускать нельзя⁴⁷.

Ламздорф сопротивлялся до декабря 1905 г. Он хотел сохранить равновесие между Тройственным союзом и Антантой из-за их антагонизма. Марокканский кризис был особенно неподходящим моментом для России, чтобы заявить о своей новой ориентации. Он был готов к частным соглашениям с Англией, но не верил в прочное общее соглашение и не хотел жертвовать свободой действий. Слабость России также не позволяла надеяться на выгодные условия договора, и он хотел дожидаться предложений от Англии. Тем не менее зимой 1905/06 г. под давлением политических и финансовых

⁴² В.Н. Ламздорф – А.К. Бенкендорфу, 15(28).09.1905. – БА, ФБ2, ящик 13.

⁴³ Lansdowne to Bertie, 08.10.1905. – FO 800/176, p. 227.

⁴⁴ А.К. Бенкендорф – В.Н. Ламздорфу, 19.09(02.10).1905. – ГАРФ, ф. 642, оп. 1, д. 917, л. 55–69об.

⁴⁵ А.Н. Свечин – А.А. Савинскому, 18(31).01.1906. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 11, л. 323–328об.

⁴⁶ Spring Rice to Grey, 01.03.1906. – FO 800/72, p. 62–67.

⁴⁷ Р.Р. Розен – А.К. Бенкендорфу, 11(24).12.1905. – БА, ФБ2, ящик 14.

трудностей и Витте, и Ламздорф склонились к мысли, что переговоры с Англией неизбежны, хотя Ламздорф все еще намеревался ждать предложений от Англии.

В январе 1906 г. Бенкендорф приехал в Петербург, беседовал с Витте на квартире у Ламздорфа и был принят Николаем II, который хотел узнать его впечатление о новом либеральном правительстве Британии. После первой аудиенции Бенкендорф заговорил с советником британского посольства Спринг-Райсом, приятелем семьи Бенкендорфов, о возможном соглашении, при условии, что оно будет касаться Босфора и Дарданелл. Бенкендорф спросил и о коммерческом выходе на Персидский залив, объяснив, что иначе российское общество отрицательно воспримет сближение как признак слабости правительства⁴⁸. Несдержанность Бенкендорфа тут же вызвала реакцию Спринг-Райса, который посоветовал Грею воспользоваться Проливами как козырем и для начала сказать России, что в этом вопросе уступки невозможны⁴⁹.

К марту 1906 г., когда финансовые и политические трудности заставили Ламздорфа и Николая II решиться на переговоры, Бенкендорф уже сделал все, чтобы облегчить их для Англии. В отличие от Ламздорфа, английская сторона была заинтересована только в общем соглашении с Россией, потому что серия специфических частных договоров не гарантировала им достаточного влияния на Россию и не решала вопроса ее общей политической ориентации. Привязать Россию к Франции через сближение с Англией, как это видели единомышленники Бенкендорфа Нелидов и Камбон, означало в это время привязать Россию к Антанте и ее политике противостояния Германии. Этого Ламздорф хотел избежать, но именно в этом Бенкендорф активно содействовал Англии.

Во время переговоров (июнь 1906 – август 1907 г.) Бенкендорф и его советник (и друг Извольского) С.А. Поклевский-Козелл сменяли друг друга рядом с новым министром Извольским. Из писем Поклевского видна роль лондонского посольства в сближении с Англией. Поклевский сообщал, что видится с министром почти ежедневно и пользуется этим, чтобы влиять на того в духе поручений Бенкендорфа: «Извольский очень благодарен за ваши письма: он говорит, что вы единственный посол, который его информирует... В той же почте вам посылают “всеподданнейшую записку” и черновик телеграммы к Гартвигу, основанный на выводах конференции. Вы, я думаю, будете очень довольны результатом, который полностью совпадает с теми мыслями, которыми вы любезно поделились со мной накануне моего отъезда»⁵⁰.

Бенкендорф имел большое влияние на Извольского, им обоим были присущи либеральные убеждения, критическое отношение к политике Ламздорфа, презрение к остальным чиновникам МИД и гордость за собственную политическую смелость. Их дружеская переписка стала для Извольского отдушиной и поддержкой. Фразы вроде “я упомяну это только с вашего одобрения” и “я подбираю доводы в защиту вашего (и моего) мнения”⁵¹ часто повторяются в письмах. Во время переговоров посол подталкивал Извольского отместить в стороны все возражения русской стороны против британских условий как мелочный торг, который только мешает жизненно важному для России соглашению. Постепенно он навязал министру и свое видение этого соглашения по азиатским вопросам как европейского, потому что с его точки зрения (внушенной в Лондоне) противостояние Германии было главным смыслом конвенции, а туманно обещанное положительное отношение Англии в вопросе о Проливах – ее главным призом.

После заключения конвенции 1907 г. отсутствие продуманного и последовательного курса и единого руководства во внешней политике, слабая активность престарелого посла в Берлине графа Остен-Сакена и постоянный напор французской и английской

⁴⁸ Spring Rice to Grey, 26.01.1906. – FO 800/72, p. 42–48.

⁴⁹ Spring Rice to Louis Malet, 31.01.1906. – Letters and Friendships of Sir Cecil Spring Rice. A Record, v. 1–2. London, 1929, v. 2, p. 61.

⁵⁰ С.А. Поклевский – А.К. Бенкендорфу, 17(30).08.1906. – БА, ФБ2, ящик 14.

⁵¹ А.П. Извольский – А.К. Бенкендорфу, 02(14); 08(21).07.1906. – БА, ФБ2, ящик 13.

дипломатии в сочетании с энергичными требованиями Бенкендорфа в защиту “его” конвенции стали существенными факторами в повороте российского внешнеполитического курса, задуманного как “балансирование”, в сторону конфликта с Германией. Кайзер Вильгельм II считал графа лично ответственным за русско-германское отдаление⁵². И действительно, озабоченный тем, чтобы доказать Англии лояльность России, граф требовал от министров иностранных дел, сначала А.П. Извольского (1906–1910), а потом от своего бывшего подчиненного С.Д. Сазонова (1910–1916), не бояться недовольства Германии и поддерживать Антанту во всем. После 1907 г. он считал это безопасным, потому что Россия уже не в изоляции: “Тогда была бы опасность и даже неизбежность войны. Поэтому я считаю, что нужно укреплять наши международные связи [с Антантой] и хотя бы временно прекратить попытки прямых переговоров с Берлинским кабинетом. Я говорю исключительно с точки зрения интересов России... Как ни печально, но факт, что французская армия и английский флот обеспечивают безопасность русско-германской границы; Балтийское море – в основном, наш интерес, потому что у Англии там только второстепенные интересы... В Персии Англия практически отступает, как мы будем защищать наши завоевания без англо-французской коалиции...? В то же время Англия почти не нуждается в нас, чтобы защищать единственный пункт, который ее интересует, Персидский залив”⁵³.

Бенкендорф никогда не упоминал, чем выгодно сближение с Англией. Он видел только, чем оно важно для России, и потому именно от России требовал сделать все, чтобы сохранить его. Он был уверен, что если Россия докажет Англии свою надежную дружбу уступками во всех областях, где их интересы встречаются, то Англия “возьмет шефство” над Россией. В орбите Британской империи последовательные реформы в английском духе преобразуют Россию в конституционное государство, похожее на западноевропейские, и создадут устойчивый политический режим. Тогда уже не будет вопроса о несовместимости английских и российских интересов, потому что их политика будет основана на одних и тех же рациональных принципах.

Бенкендорф надеялся преодолеть все воспоминания об англо-русском соперничестве и подозрениях – ведь выгоды от доверия и искренности были настолько очевидны. Он не хотел осознавать реальность и утешал себя общими истинами, которые по его мнению должны были восторжествовать в англо-русских дипломатических отношениях, потому что они были разумны.

Первый этап программы Бенкендорфа – библейские семь лет, чтобы заслужить доверие Англии – был более или менее выполнен в 1906–1914 гг. В это время российский МИД в целом следовал линии Антанты, за исключением отдельных шагов, которые Антанта в основном нейтрализовала, отказывая им в поддержке. Британия не считала, что конвенция требует от нее поставить свое будущее в зависимость от дружбы с Россией, и никогда не отказывалась от права на сбалансированную политику. В 1907–1914 гг. Англия не раз пыталась найти компромисс с Германией, хотя и безуспешно. Но Россия, по настоянию Бенкендорфа, должна была избегать любых инициатив, могущих вызывать недовольство или беспокойство у Британии. Это объясняет растущую оппозицию конвенции со стороны тех российских дипломатов, которые приветствовали ее в 1905–1906 гг., но увидели ее влияние на российский курс. Ставить судьбу России в зависимость от сиюминутных интересов Англии казалось им безумием.

Бенкендорф в интересах мира в Европе отказывался даже пытаться повлиять на позицию Англии и все усилия прилагал к тому, чтобы поменять позицию России в спорных вопросах. Это привело к отчуждению Бенкендорфа от коллег и в Петербурге и в других российских посольствах. Таково было происхождение мидовских насме-

⁵² *Bumte С.Ю.* Воспоминания, т. 1–3. Таллинн, 1994, т. 2, с. 443; Вильгельм II – Николаю II, 22.08.1905. – Переписка Вильгельма II с Николаем II, с. 402.

⁵³ А.К. Бенкендорф – С.А. Поклевскому, 25.12.1907(07.01.1908), (черновик). – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 10, л. 10–15об.

шек над графом Бенкендорфом, каждое донесение которого начинается со слов “Грей сказал мне”.

Доверие, его Бенкендорф наивно хотел видеть в основе англо-русских отношений, так и не возобладавало. Британия, ведущий партнер в конвенции, не полагалась на ее долговечность и не видела причин способствовать укреплению России, которая оставалась соперницей и вполне могла опять превратиться во врага. Целью британской политики было использовать преимущества от существующего сближения и одновременно предотвратить усиление России.

Конвенция, казалось, подтвердила верность курса, выбранного британской дипломатией еще в начале 1900-х годов: избегая брать на себя формальные союзные обязательства, которые могли бы втянуть Англию в чужие конфликты, не допуская возникновения враждебной континентальной группировки в Европе. В 1907–1914 гг. Форин оффис мог поздравить себя с тем, что, не подорвав дружественных отношений, не дал России достичь соединения индийской и кавказской железнодорожных сетей, благоприятного режима Проливов, укрепления Аландских островов, ни дипломатической поддержки в кризисе Лимана фон Сандерса зимой 1913/14 г. Но все это не помогло Британии ни предотвратить европейскую войну, ни избежать участия в ней. Зато это ослабило Россию и тем самым удлинило войну и привело к еще большим жертвам и потерям самой Англии. Старательно избегая союзных обязательств по отношению к России до 1914 г., Англия упустила возможность оказывать какое-либо сдерживающее влияние на российскую политику в Европе, что было бы возможно: и Бенкендорф, и Николай II легко поддавались влиянию, а оба предвоенных министра иностранных дел были под влиянием Бенкендорфа.

Что до России, то курс на сближение с Антантой, который был неизбежен после англо-русского сближения, не обеспечил для России главного: десяти лет мира. Напротив, как и предвидела Антанта, он подтолкнул ее на более активную политику в Европе – т.е. на Балканах – и сделал неизбежным столкновение с Центральными державами.

Россия была все еще на полдороге от одиночества к формальному членству в Антанте, когда разразился сначала кризис Лимана фон Сандерса, а потом Сараевский. Балканские позиции России оказались под ударом. Надежды на сочувствие и содействие Германии в разрядке ситуации не было. Положение России в Антанте зависело от того, сумеет ли она проявить решимость и силу. И в 1914 г. произошло несчастье, которого Бенкендорф и его европейские коллеги предвидели, но не сумели предотвратить. Его политическому курсу пришлось сдавать экзамен до того, как Россия получила полное членство в Антанте, которого он хотел. Август 1914 г. мог показать полную несостоятельность его замысла, если бы не то, что у Франции и Британии были свои причины стать с Россией против Тройственного союза.

В 1914–1916 гг., верный своему оптимизму, Бенкендорф видел в военном союзе с Англией шаг к послевоенному союзу. Все, кроме этого, мало его интересовало. Видя это, Сазонов все больше отодвигал его в сторону, пока посол не стал “свадебным генералом”, чье присутствие в Лондоне символизировало дружеское отношение России к Англии. Его роль в заключении соглашения о Проливах в апреле 1915 г. была скорее негативной⁵⁴ – рассерженному Сазонову пришлось преодолеть и сопротивление собственного посла, чтобы добиться от Антанты недвусмысленного признания претензий России⁵⁵. Нежелание Бенкендорфа требовать от Антанты Проливов противоречило его взглядам 1905–1907 гг., но в 1915 г. он соглашался с Греем, что главное скорее закончить войну, а Турция будет еще более упорно сражаться на стороне Германии, зная, что в случае поражения ее ожидает раздел.

В декабре 1916 г., в конце месяца он умрет от испанского гриппа, Бенкендорф уже

⁵⁴ S.D. Sazonov to A.K. Benckendorff, 08(21).04.1915. – Documents diplomatiques secrets russes. Paris, p. 242–243.

⁵⁵ Nabokoff C. The Ordeal of a Diplomat. Salisbury (N.C.), 1976, p. 37.

знал, что в России растет враждебность к Антанте и его, как и Извольского, внят в курсе, который привел к войне. Он не сомневался в правильности сближения с Антантой, но незадолго до смерти написал Грею о том, что его терзает мысль, что в августе 1914 г. дипломатия подвела Европу, не сумев предотвратить войну. Полуслепой и тоже измученный Грей, к тому времени уже в отставке, утешил его и самого себя, что война была неизбежна, потому что ее хотела Германия, и что пути Господни неисповедимы и видимо так уж было суждено⁵⁶. Он обещал Бенкендорфу победу над Германией через несколько недель, но Бенкендорфу в момент получения письма оставалось жить несколько дней.

* * *

Карьера графа Бенкендорфа интересна по нескольким причинам. То, что он достиг одной из самых высоких должностей в российской дипломатической системе, свидетельствует о ее слабостях. Царское министерство иностранных дел продвигало чиновников до уровня их некомпетентности и оставляло их там даже после того, как некомпетентность становилась очевидной. Граф Бенкендорф сносно выполнял обязанности на второстепенных ролях, но во главе лондонского посольства он проявил прежде незаметные недостатки: узкий евроцентризм, недисциплинированность, поверхностность и непонимание политической обстановки.

Он думал, что действует так же прагматично и разумно, как английские политики. Разница была в том, что англичане поддерживали англо-русскую конвенцию не из симпатии к России, а ради пользы Англии. Бенкендорф и его подчиненные, поставив себе цель достичь “союза сердец” между Англией и Россией, стали вести борьбу с отрицательным образом противника, существовавшим в обоих обществах. В результате в 1903–1916 гг. у России не было посла в Англии, а был только “культурный атташе”, но зато у Англии было два посла в России, причем один из них находился в Лондоне.

Историческая роль Бенкендорфа не имеет ничего общего с его умственными качествами или дарованиями; она определяется числом и масштабом его интересов, он внес в имперскую политику вклад, несоразмерный с его способностями.

Он мечтал о Европейском сообществе, членами-основателями которого были бы Англия, Франция и Россия. Но политика – это искусство возможного, и Бенкендорф оказался плохим политиком. Его политическая близорукость причинила тем более ощутимый урон, что его интересы не ограничивались англо-русскими отношениями, а он пытался укрепить европейский мир и реформировать Россию.

Все эти чисто человеческие увлечения и ошибки были бы исправлены и нейтрализованы, если бы МИД был в сильных руках. Но система страдала от местничества, от несоблюдения профессиональных норм, недисциплинированности и жесточайшего пессимизма дипломатических представителей империи. Министерство было не в состоянии держать под контролем своих представителей, как это показывают примеры Нелидова, Гартвига, Извольского и Бенкендорфа. Между взглядами центра и заграничной службы всегда есть расхождения, в любую эпоху и в любой стране, но российский МИД не сумел впрячь в одну упряжку плохих, хороших и посредственных работников и заставить их всех тянуть в одну сторону, туда, куда было решено вести политику России.

Граф Бенкендорф был одним из благородных русских либералов, которые поступали на службу исключительно из патриотических соображений, но, разочаровавшись в учреждении, где служили, начинали осуществлять свои личные идеалы самостоятельно.

⁵⁶ Лорд Грей оф Фаллодон [сэр Эдвард Грей] – А.К. Бенкендорфу, 22.12.1916. – БА, ФБ2, ящик 12.